

Иконникова Наталия Кирилловна

к.социол.н., доцент

доцент, ГУ-ВШЭ

Социальное и культурное измерение вещей и технологий в современных зарубежных исследованиях¹

Социальное и культурное как аналитическая схема исследования

Одной из модных и уже почти само собой разумеющихся тенденций в социологических (да и, за отсутствием в отечественной традиции культурной антропологии, культурологических) исследованиях общественных процессов, систем и феноменов сегодня является применение для их описания понятия «социокультурные». Это отражает «поворот к культуре», который по-разному выражается в неоинституциональных, постмодернистских, феноменологических, интерпретативных, социально-критических исследованиях, да и в давно сложившихся академических концепциях. Этот «поворот» неизменно отражает возросшее внимание к культурным, и в первую очередь – к знаково-символическим и смысловым аспектам социальной реальности. Современную социальность нельзя описывать иначе, как пронизанную культурными смыслами – и иногда она сводится к символическому пространству. Но, с другой стороны, культурные процессы после Cultural Studies и Альтер-концепций невозможно рассматривать как протекающие независимо от воспроизводства социального неравенства (а не просто «различий»). Однако означает ли это полное совпадение социального и культурного в существовании этой реальности? Или: действительно ли различие социального и культурного не дает никакого приращения социального знания? На мой взгляд, первый вопрос имеет метафизический характер, и ответ на него принимается каждым исследователем а priori как часть его мировоззренческой позиции. Бесполезность научных дискуссий о такого рода основаниях в свое время вполне определенно была показана Л. Лауданом².

Ответ на второй вопрос является предметом данной статьи. Я постараюсь показать, как «работает» такого рода различие в социальном анализе, какие теоретические следствия и исследовательские процедуры могут быть обоснованы с этих позиций.

Подчеркну еще раз, что выделение мной социального и культурного измерений является аналитической процедурой, этот дуализм не имеет он-

¹ Статья подготовлена в рамках индивидуального исследовательского проекта № 09-01-0074 «Вещи как культурные средства коммуникации в современных социологических теориях», выполненного при поддержке Программы «Научный Фонд ГУ-ВШЭ».

² Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки. М., 1996. С. 201 – 215.

тологического характера. Как показывает и М. Арчер³, аналитическое различение значимых и организационных аспектов социальной жизни, активности субъекта и структурных условий результативно в социальном исследовании лишь тогда, когда ему не приписывается философский, онтологический статус.

Тем не менее, во многих дискуссиях о социальном и культурном измерении общественной жизни характер этого дуализма остается не артикулированным и смешивается. При онтологическом подходе, как пишет Б. Штерн, различие социального и культурного основывается на различении органического и суперорганического, биологического и культурного⁴.

При этом социальное связывается со способностью к ассоциации и взаимодействию – именно поэтому его истоки находят у животных и других организмов. Но социальное в том смысле, который интересует меня в данном случае, означает не только ассоциацию, но и, как отмечает А. Кребер, действие неорганических сил, обладание цивилизованностью⁵.

Общая концептуальная схема анализа уже была мною представлена в ряде публикаций⁶. Предметом обсуждения в этой статье является один из «горизонтов» социальной коммуникации: вещественное (телесно-вещественное) воплощение (во плоти и вещественности) и опосредование (поскольку любая коммуникация подразумевает опосредование) транслируемых смыслов. При этом телесно-вещественная ткань социальной жизни будет браться не в семиотическом (в интенции стремящемся к системно-структурной упорядоченности и намеренности), а в спонтанно-практическом аспекте, непреднамеренном аспекте.

Выделяя смыслы вещей, будем фокусироваться не на персональных, а социальных и культурных смыслах. Вещи включены в социальные взаимодействия, позволяя присваивать и демонстрировать социальный статус, а также включая личность в некоторые сообщества, цепи и сети обменов вещами и коммуникаций по поводу их смыслов. «Вещи – это способ определить, кто мы есть для нас самих и для других», – формулирует эту идею

³ См.: Archer M. For structure: its reality, properties and powers: A reply to Antony King // *Sociological Review*, Aug 2000, Vol. 48 Issue 3, P. 465.

⁴ Stern B. Concerning the distinction between the social and the cultural // *Social forces*. 1929. Vol. VIII. N 2. P. 264.

⁵ См.: Kroeber A.L. The Superorganic // *American Anthropologist*. 1917. XIX. P. 176-177.

⁶ Социальный и культурный аспекты коммуникативного взаимодействия // *Вопросы социальной теории: Научный альманах*. 2009. Т. 3. Вып. 1(3). Социальность и культура в изменяющемся мире / Под ред. Ю.М. Резника. М.: ИФ РАН, Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2009. С. 158-168; *Социокультурные проблемы современного российского общества: Сборник научных трудов* / Под ред. С.А. Губиной. М.: Экслибрис-Пресс, 2008. С. 209-223.

Дж. Кэриер⁷. Одновременно вещи есть часть культурного процесса конструирования и наследования окружающей нас среды – окультуренной и трансформированной, даже если она обозначается как «природная». Дж. Кэри в этой связи констатирует, что «мы сначала производим некоторый мир посредством символическими действиями (work), а затем населяем и осваиваем тот мир, который мы произвели»⁸.

Работ, непосредственно посвященных социологии вещей, не так много. Более того, несмотря на вошедшие в профессиональные шутки дробление предметного поля социологических исследований на многочисленные «социологии чего угодно», ни на одной из последних конференций европейской и международной социологических ассоциаций (ESA, ISA), как и Международного института социологии (IIS) не было представлено специализированных исследовательских направлений или хотя бы сессий, посвященных именно вещам. Создается видимость, что предметный мир социума исчезает, виртуализируется, деконструируется. На мой взгляд, напротив, точнее позиция, которая акцентирует растущую искусственность и технологичность социального и культурного мира – когда технологии становятся настолько фундаментально укорененными в повседневной жизни людей, включая не только «внешнюю» по отношению к ним среду, но и их собственную телесную организацию, что постановка вопросов о бытии вещей ставит под сомнение основания бытия самих людей.

Концептуализация понятий вещи и технологии: основные направления исследований

Понятия вещи и технологии разрабатываются в рамках разных исследовательских и дисциплинарных традиций, однако во многих случаях они обозначают примерно одно и то же: это объективированное (путем телесного и вещественного) воплощение продуктов социальных действий, т.е. материализованная культура и социальные отношения. Однако вещи и технологии не статичны, современные западные авторы неизменно подчеркивают процессуальный аспект существования и вещей, и технологий: это ресурсы, используемые акторами для инструментальных и символических целей⁹.

⁷ Carrier J.G. Gifts and commodities: Exchange and Western Capitalism since 1700. London: Routledge, 1995.

⁸ Carey J. Communication as Culture: Essays on Media and Society. N.Y.: Unwin/Hyman, 1989. P. 30

⁹ Vannini P. (Ed.) Material Culture and Technology in Everyday Life. N.Y.: Peter Lang Publ. Inc., 2009. P.4. См. также: Gibson J. The Ecological Approach in Visual Perception. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1979; Van Leeuwen T. Introducing Social Semiotics. N.Y.: Routledge, 2005.

Можно отметить две тенденции исследования вещей и технологий в актуальных социологических работах. С одной стороны, опираясь на общесоциологические теории, происходит дальнейшее концептуальное обогащение понятий на основе реинтерпретации теоретических и философских работ. В качестве ключевых источников, подвергающихся такой реинтерпретации, следует указать: М. Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук»; М. Хайдеггер «Вещь» (Das Ding) (опубликовано в «Лекциях и эссе» (Vorträge und Aufsätze, 1997), работы М. Мосса «Очерк о даре», М. Мерло-Понти, Э. Гуссерля и др.¹⁰. В рамках этой же тенденции происходит освоение и взаимное переосмысление смежного дисциплинарного пространства. Социология вещей использует опыт культурных (антропологических, семиотических, литературоведческих и пр.) исследований материальной культуры. При этом вещи выступают как значимые объекты, значение которых определяется не столько их ролью экономических обменах (как благ, товаров, предметов потребления, обладающей стоимостью в зависимости от вложенного труда и времени), сколько их культурной, символической ролью, функционированием в качестве знаков. А. Аппадурай, М. Дуглас и Б. Ишервуд, А. Гелл, М. Штрагерн, Д. Миллер, Т. Дант¹¹ ставят целью выявить то, что оформляется или скрывается за вещественной оболочкой объекта: ценности, верования, мыслительные конструкции, коллективные представления, социальные структуры и т.д.

С другой стороны, и на основе указанных выше теоретико-методологических поисков, эмпирические исследования вещей и технологий обогащаются этнографическими методами. Это заметно и на традиционно социологически укорененной проблематике исследования технологий, и в исследованиях вещей, особенно вещей технологичных (точнее, даже, высокотехнологичных). Здесь можно выделить устойчивые предметные области: социология технологий и науки¹², социальное конструирование

¹⁰ Результаты этой реинтерпретации можно увидеть в работах: Keller K.D. The Corporeal Order of Things: The Spiel of Usability // Human Studies. 2005. Vol. 28. P. 173-204; Kien G. Global Technography. Ethnography in the Age of Mobility. N.Y.: Peter Lang Publ. Inc., 2009.

¹¹ Appadurai A. (Ed.) The Social Life of Things. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1986; Dant T. Material Culture in the Social World: Values, Activities, lifestyles. Buckingham: Open Univ. Press, 1999; Dant T. Materiality and Society. Buckingham: Open Univ. Press, 2005; Douglas M., Isherwood B. The World of Goods. London: Allen Lane, 1979; Gell A. Art and Agency. Oxford: Oxf. Univ. Press, 1998; Miller D. (Ed.) Material Culture: Why Some Things Matter. London: UCL Press, 1998; Miller D. (Ed.) Materiality. Durham, NC: Duke Univ. Press, 2005; Strathern M. The Gender of the Gift. Berkeley: Univ. of California Press, 1988.

¹² Clarke A., Olesen V. (Eds.) Revisioning Women, Health, and Healing: Feminist, Cultural and Technoscience Perspectives. N.Y.: Routledge, 1998; Star S.L. (Ed.) Ecologies of Knowledge: Work and Politics in Science and Technology. Albany, NY: SUNY Press, 1995.

технологий (SCOT – social construction of technology)¹³, исследование пользователей технологий¹⁴, культурные и антропологические исследования технологий¹⁵. Авторы этих разнообразных работ согласны в основном в том, что социальные отношения во всех обществах существенным образом опосредованы технологическими решениями и их конструктивными воплощениями и что, таким образом, технология как форма социальной организации – это один из ключевых факторов для понимания общества и культуры. Это положение корреспондирует с предложенной мною теоретической схемой, выделяющей культурные и социально-организационные формы именно как способы объективации ценностей и норм социальных отношений¹⁶.

Этнография (и как укорененный в проблемном поле ее вариант – «технография») описывает конкретные формы бытования вещей и технологий в повседневной жизни. Естественно, ее интересуют новые для культур вещи и связанные с ними – мобильные телефоны, компьютеры, интернет. Вместе с тем, исследование нового делает значимым и изучение и того, что вроде бы принципиально от нового отличается – семейных реликвий, сломанных и старых вещей (включая их эстетическое перевоплощение в современном искусстве и дизайне). Здесь этнография демонстрирует свои возможности конструирования предметного поля, выделяя такие объекты исследования как «разорванные и сожженные письма», «разбитая посуда», «выброшенные игрушки и обручальные кольца» и т.п. Одновременно эти исследования ставят вопросы о социальном неравенстве, основанном на экономическом благосостоянии, гендерных, этнических различиях, определяющих как доступность и полезные качества используемых вещей, так и тот социальный порядок, который ими объективируется. Большую роль в развитии этого направления играют западные исследователи, об-

¹³ Bijker W., Huges T., Pinch T. (Eds.) *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Boston, MA: MIT Press, 1989; Bijker W., Law J. (eds.) *Shaping Technology / Building Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1992; MacKenzie D., Wajcman J. (Eds.) *The Social Shaping of Technology*. Boston, MA: McGraw-Hill, 1999.

¹⁴ Oudshoorn N., Pinch T. *How Users Matter: The Co-construction of Users and Technology*. Boston, MA: MIT Press, 2003.

¹⁵ Haraway D. *The Donna Haraway Reader*. N.Y.: Routledge, 2003; Ingold T. *Situating Action VI: A Comment on the Distinction between the Material and the Social // Ecological Psychology*. 2000. Vol. 8. P. 183-187; Lemonnier P. (Ed.) *Technological Choices: Transformation in Material Culture since the Neolithic*. London: Routledge, 1993; Penley C., Ross A. (Eds.) *Technoculture*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1991; Pfaffenberg B. *Fetishised Objects and Humanised Nature: Towards an Anthropology of Technology // Man*. 1988. Vol. 23. P. 236-252; Pfaffenberg B. *Social Anthropology of Technology // Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21. P. 491-516.

¹⁶ См. указ. публикации автора статьи.

щим признанием пользуются работы А. Аппадурои. Среди характерных для данного направления и интересных проектов укажем исследование освоения современных вещей и технологий (мобильных телефонов, телеприемников) малообеспеченными слоями населения в Чили (исследование проводилось в г. Сантьяго)¹⁷. Выводы этих работ С. Урето показывают, что исследуемые вещи, их социальный смысл и использование малообеспеченными семьями и их членами в развивающихся странах заметно отличаются от социальных практик обеспеченных слоев в наиболее развитых странах. Вещи укоренены как историческом опыте, так и специфических чертах кризиса этого опыта и культурного наследия в целом, которые разные общества и разные слои в них переживают по-разному. Даваемые им этнографические описания наглядно контрастируют с описаниями подобных же социальных практик, которые приводит в своей работе Грант Киен, опираясь в них на опыт члена североамериканского университетского общества¹⁸.

Приведенные выше основные определения вещей как ресурсов, используемых для инструментальных и символических целей, в качестве основных их характеристик выделяют объективированность (принадлежность миру материальной культуры), полезность и/утилитарность. Одновременно вещи обладают субъективно приписываемыми качествами и смыслами, которые определяют сложную динамику конструирования, манипулятивного и духовного освоения вещей, отношение к вещам сломанным, испорченным, не соответствующим моде – которые могут быть «восстановлены» не только физически, но и символически, получая новую «полезность» в качестве памятных вещей, антикварных или музейных вещей, вещей рестайлинговых или винтажных. Таким образом конституирующим вещь механизмом оказывается не собственно вещественное изготовление, а та социальная практика, опыт, в который она включена как значимый ресурс. «Как средства (tool), вещи включены со всеми их смыс-

¹⁷ См.: Ureta S. Mobilising Poverty?: Mobile Phone Use and Everyday Spatial Mobility Among Low-Income Families in Santiago, Chile // *The Information Society*. 2008. Vol. 24. P. 83-92; Ureta S. "There is one in every home". Finding the place of television in new homes among a low-income population in Santiago, Chile // *International Journal of Cultural Studies*. 2008. Vol. 11(4). P. 477-497/

¹⁸ Kien G. *Global Technography. Ethnography in the Age of Mobility*. N.Y.: Peter Lang Publ. Inc., 2009. См. также работы «этнографического» направления в коллективной монографии: Vannini P. (Ed.) *Material Culture and Technology in Everyday Life*. N.Y.: Peter Lang Publ. Inc., 2009; Hodder I. *The Interpretation of Documents and Material Culture // Collecting and Interpreting Qualitative Materials*. N.K. Denis, Y. Lincoln (eds.) Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. P. 155-175.

лами в наши практики и – таким образом, непрямо, во всю (total) структуру “нашего мира”»¹⁹.

Социальность и символичность вещей и технологий

Как следует из рассмотренных тенденций концептуализации вещей и технологий в социологических и – шире – социальных исследованиях, их телесность неизменно предстает как наполненная смыслами, символизирующая и воспроизводящая определенные социальные статусы и отношения. Причем эта телесность подвижна, поскольку смысл вещи каждый раз подтверждается или изменяется практическим действием, в котором она является знаком – знаком социальной связи, статуса в этой связи. Динамичный баланс социальных отношений, удерживаемый и демонстрируемый вещью как объективацией, обладающей очевидными видимыми, осязаемыми качествами создает представление о том, что вещи «живут собственной жизнью». Внимание к этой «темной стороне вещи» объединяет столь разнородные направления теоретизирования как постмодернизм Ж. Делеза и выразительно незападная концепция Арджуна Аппадурай. При этом смысл вещей социален не только с точки зрения того, что он имеет социальное происхождение и сферу бытования, будучи универсальным языком, наглядно связывающим людей. Скорее, вещи разделяют людей в иерархически организованном социальном порядке.

Идея социального неравенства людей по отношению друг к другу – выглядящего и демонстрируемого как неравенство по отношению к вещам – в современных исследованиях обосновывается ссылками на работы Ж. Бодрийяра, Р. Барта²⁰. Социальный порядок, доминирующий в определенном обществе, отражается в классификации вещей и приписывании им определенных смыслов и отношений между вещами. Поэтому люди обозначают свой статус и отличают себя от других путем принятия определенного стиля жизни, для которого характерны соответствующие вещи, товары, служащие маркерами наличного или желаемого статуса. Акт потребления, по Бодрийяру, неизменно воспроизводит социальное неравенство, т.к. используются, потребляются вещи, в смысл которых «встроена» функция быть знаком различий – классовых, гендерных, возрастных, связанных с родом занятий, местом жительства... Как резюмирует Г. МасКракен, «вещи-товары являются и созданиями и создателями устанавливаемого культурного порядка»²¹. Ф. Ваннини подчеркивает социаль-

¹⁹ Keller K.D. The Corporeal Order of Things: The Spiel of Usability // Human Studies. 2005. Vol. 28. P. 182.

²⁰ См.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989; Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

²¹ McCracken G. Culture and Consumption. Blooming and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1990. P. 75. См. также: Corrigan P. The Sociology of Consumption. London: Sage, 1997;

ный аспект этого порядка. Он пишет, что «материальные объекты выступают ресурсами для установления, упрочения и воспроизводства власти и статусных различий»²². Демонстрируя, как любая технология и набор вещей содержит в себе целую систему социальных норм и представлений, он рассматривает в качестве конкретного объекта анализа технологии производства и потребления вин, в частности, сладких и фруктовых вин. Обнаруживается, что они ценятся ниже, чем сухие. При этом их маркетинг ориентирован на женщин (а сухих вин – на мужчин), ритуалы их употребления также различны. Технологичность, полезные качества, престижность, высокая стоимость оказываются связаны с гендерными и экономическими статусами потребителей продуктов этих технологий.

В работах западных авторов можно встретить различные попытки типологизировать отношения по поводу и посредством вещей. Так, Г. МасКракен выделяет четыре типа возможных отношений, подчеркивая их символичность, что позволяет ему называть их ритуалами. Это может быть обмен (например, подарками), обладание, уход и придание лоска, наконец, отбрасывание и уничтожение вещей (включая выкидывание ненужного в ходе большой уборки или ремонт вновь приобретенного жилья). А. Фиске дает другую типологию. Он выделяет в качестве фундаментальных моделей отношений, в которые вовлечены вещи, «разделение общности», «ранжирование власти (authority)», «союз (matching) равных», и «рыночное определение цены»²³. Выделяются также институализированные области социальных практик, различающиеся теми типами смыслов, которые приписываются в них вещам: работа, игра, потребление, образование²⁴.

Возвращаясь в высказанному в начале статьи соображению о все более глубокой укорененности технологий в повседневности и основаниях бытия общества, укажем на еще одну интересную постановку проблемы о роли вещей и технологий. Сложившееся различие общества и сообщества как типов социальности обычно подразумевает, что в отличие от системного, инструментального (и поэтому технологизированного вплоть до использования изоцированной социальной инженерии) общества, сообщество основывается на непосредственной, часто примордиальной, не вполне формализуемой, взаимной связи. Однако все больше исследований посвящено уже не только «виртуальным сообществам», но и, в более общей по-

Komter A. Heirlooms, Nikes and Bribes: Toward a Sociology of Things // *Sociology*. 2001. Vol. 35. P. 63-65.

²² Vannini P. (Ed.) *Material Culture and Technology in Everyday Life*. N.Y.: Peter Lang Publ. Inc., 2009. P. 19.

²³ Fiske A.P. *Structures of Social Life: Four Elementary Forms of Human Relations*. N.Y.: The Free Press, 1991. P. 51, 14, 25.

²⁴ Keller K.D. *The Corporeal Order of Things: The Spiel of Usability* // *Human Studies*. 2005. Vol. 28. P. 193-194.

становке вопроса – технологическим основам бытия любых сообществ в современных обществах. Социальные связи, опосредованные технологическими ресурсами, создают новые социальные формы, отмечает М. Уиллсон, включая формы разговора, поведения в общественных местах, понимание социальных уз и границ (в условиях мобильности и глобальной интерактивности), представление своей идентичности как членов локального сообщества или нации²⁵.

* * *

Представленные в статье работы зарубежных исследователей демонстрируют, что изучение материальной культуры и технокультуры важно для раскрытия того, как реально функционирует социальная машинерия, от производства и потребления к формированию социальных классов и идентичностей, как происходит фиксации характера трудовых и повседневных практик, поскольку ни один смысл не может быть объективирован и включен в социальные отношения без материализации его в знаке – вещи. Это позволяет сформулировать подход не только к процессам производства-использования вещей, но и, например, конституирования и функционирования организаций и сообществ. Возможности социологического изучения социального функционирования вещей и материальной культуры связаны с актуальным развитием методологии эмпирических исследований, разработкой и легитимизацией визуальных, этнографических методов. Реакция западной академической социологии на постколониальные и критические исследования выражается все больше в переносе из них ряда подходов, концептов в академические исследования, последовательной социальной критике, внимании к воспроизводству социальных различий, взаимосвязи социальной символики и культурных ценностей, с одной стороны, и экономических и властных ресурсов – с другой.

²⁵ Willson M.A. Technically Together. Rethinking Community within Techno-Society. N.Y.: Peter Lang Publ. Inc., 2006. P. 55-57. Собственно, эти же сюжеты, но без выводов относительно содержания понятия «сообщество», обсуждаются и в работе: Kien G. Global Technography. Ethnography in the Age of Mobility. N.Y.: Peter Lang Publ. Inc., 2009.